

АЛЕКС СКАЙ

The poster depicts a man and a woman in a dimly lit, antique shop. The woman, on the left, has dark, curly hair and wears a red velvet dress with a white lace collar. She holds a large, ornate key. The man, on the right, has dark, wavy hair and wears a dark, patterned jacket. He looks down at a document on the table. The document is titled 'БРАЧНЫЙ ДОГОВОР' (Marriage Contract) and features a red wax seal. A small, ornate key lies on the document. In the background, shelves are filled with various bottles and jars. A circular emblem with a dragon is visible in the upper left corner.

РАЗВОД С ДРАКОНОМ

ХОЗЯЙКА ЕГО
ПРОКЛЯТОЙ ЛАВКИ

Алекс Скай

**Развод с драконом. Хозяйка
его проклятой лавки**

«Автор»

2026

Скай А.

Развод с драконом. Хозяйка его проклятой лавки / А. Скай —
«Автор», 2026

Когда муж-дракон публично расторг брак с Василисой Арден, весь род Вальдгор ждал, что она заплачет, унижится и исчезнет. Вместо достойного обеспечения ей отдали старую лавку на окраине столицы — место с дурной славой, куда боятся заходить даже самые отчаянные. Прежние владельцы разорялись, исчезали или сходили с ума от её магии. Для рода Вальдгор это была насмешка. Для Василисы — ловушка. Но стоило ей открыть дверь, как лавка назвала её по имени. Теперь половицы запоминают шаги, витрина показывает чужие тайны, а на прилавке сами появляются вещи, связанные с нарушенными клятвами. К Василисе приходят те, у кого отняли голос, выбор и право на собственную жизнь. И чем больше она помогает другим, тем сильнее понимает: проклята была не лавка. Проклят род драконов.

Содержание

Глава 1. Развод под грозовой печатью	5
Глава 2. Лавка, которая выбирает хозяйку	17
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Алекс Скай

Развод с драконом. Хозяйка его проклятой лавки

Глава 1. Развод под грозовой печатью

В зале родового суда Вальдгор все ждали, когда Василиса Арден заплачет.

Ждали терпеливо, почти с наслаждением, как ждут последней ноты в хорошо знакомой песне. Кто-то прятал улыбку за кружевным веером, кто-то делал вид, что разглядывает узор на мраморном полу, кто-то шептался с соседом так тихо, что слова рассыпались в воздухе змеиным шорохом. Над высокими стрельчатыми окнами собиралась гроза, и каждый удар далёкого грома заставлял серебряные цепи на стенах едва слышно звенеть.

Василиса стояла в центре круга, очерченного тёмной драконьей печатью, и держала подбородок ровно.

Спина ныла от напряжения, пальцы под тонкими перчатками озябли, хотя в зале было жарко от магических светильников. Чужое платье — слишком дорогое, слишком узкое, слишком похожее на траурное — тянуло плечи вниз, словно напоминало: это тело, этот титул, эта фамилия, этот брак никогда не принадлежали ей по-настоящему.

Зато унижение было вполне настоящим.

— Леди Василиса Арден, по браку Вальдгор, — произнёс магический нотариус, старик с лицом, будто вырезанным из воска и соли, — подтверждаете ли вы, что явились на заседание родового совета добровольно?

Василиса посмотрела на него.

На его длинные пальцы, лежавшие поверх свитка. На перо с обсидиановым кончиком. На чашу с грозовой водой, в которой отражались не лица, а клятвы. На два кресла перед возвышением — одно занятое Райнером Вальдгором, второе пустое.

Её кресло.

Бывшее.

— Подтверждаю, — сказала она.

Голос прозвучал ровно. Чуть ниже, чем она ожидала. Чужой, но уже привычный настолько, что в самые опасные минуты Василиса могла спрятаться за ним, как за стеной.

По залу прошёл лёгкий шёпот.

Не так. Они ждали не этого. Они хотели дрожи, надлома, сорванного дыхания. Хотели, чтобы отвергнутая жена дракона вцепилась в последнее достоинство и всё равно потеряла его у них на глазах.

Райнер Вальдгор сидел неподвижно.

Если бы Василиса увидела его впервые, она решила бы, что перед ней человек, не способный испытывать ничего, кроме скуки и холодной власти. Высокий, с тёмными волосами, убранными назад, с резкими чертами лица и глазами цвета грозового неба перед ударом молнии. На его чёрном камзоле серебрилась вышивка рода Вальдгор — расправленные драконьи крылья, сжимающие в когтях клятвенный круг.

Красивый. Опасный. Невыносимо спокойный.

Её муж.

Её бывший муж — через несколько минут.

— Лорд Райнер Вальдгор, глава северной ветви рода, наследник грозовой крови, — нотариус повернул к нему свиток, — подтверждаете ли вы своё намерение расторгнуть брачный союз с леди Василисой Арден?

Пауза вышла короткой, но Василиса успела в ней прожить слишком много.

Может, он посмотрит на неё иначе. Может, скажет не то, чего от него ждут. Может, хотя бы признает, что делает это не потому, что она стала лишней вещью в его доме.

Райнер поднялся.

Светильники дрогнули. За окнами небо вспыхнуло белой трещиной, и на мгновение весь зал стал плоским, вырезанным из света и теней: лица родственников, острые плечи дам, перстни мужчин, холодный профиль женщины в жемчужно-сером платье у колонны.

Леди Эвелина.

Она не улыбалась открыто. Победители редко торопятся показывать зубы, когда уверены, что добыча уже лежит у их ног.

— Подтверждаю, — сказал Райнер.

Ни одного лишнего слова.

У Василисы внутри что-то сжалось. Не сердце — нет, она отказалась бы дать этому месту такую власть над собой. Скорее память. Осколки чужой жизни, доставшейся ей вместе с телом: длинные ужины в молчании, письма без ответа, двери, закрывающиеся перед носом, взгляды слуг, сочувственные и злорадные одновременно. И ещё — своё собственное недоумение первых дней в этом мире, когда она очнулась в роскошной спальне, не зная ни законов, ни людей, ни того, почему имя «Василиса» здесь произносят так, будто оно давно стало ошибкой.

Она не просила оказаться в этой истории.

Но раз уж её поставили в центр круга, она не собиралась падать.

— Брачная клятва между сторонами была заключена при свидетелях рода и подтверждена грозовой печатью, — продолжал нотариус. — Расторжение возможно при согласии главы ветви и утверждении совета. Причина?

Василиса чуть повернула голову.

Райнер тоже мог бы не смотреть на неё. Но посмотрел.

И впервые за всё заседание в его лице мелькнуло что-то живое. Быстрое, резкое, почти незаметное. Будто человек, уже занёсший клинок, вдруг услышал за спиной знакомый голос.

— Несовместимость, — ответил он.

Кто-то за спиной Василисы тихо хмыкнул.

Несовместимость.

Какое удобное слово. В него можно было спрятать всё: холодность, трусость, давление семьи, нелюбовь, усталость, чужое присутствие в коридорах, ночи в разных крыльях замка, молчаливое согласие с теми, кто каждый день объяснял жене дракона, что она недостаточно хороша.

Василиса почувствовала, как поднимается волна злости. Горячая, ясная, спасительная.

Нет, она не станет спрашивать, чем именно не подошла. Не подарит им такого удовольствия.

Старшая из Вальдгоров, леди Мирена, сидевшая справа от пустого кресла, плавно подняла руку. Женщина была тонкой, высокой и седой так благородно, будто даже возраст боялся коснуться её без разрешения. На её груди висел знак родового совета — серебряный дракон, свернувшийся вокруг чёрного камня.

— Совет принимает формулировку лорда Райнера, — сказала она. — Однако остаётся вопрос о послебрачном обеспечении бывшей супруги.

Вот теперь шёпот стал гуще.

Василиса знала этот момент. Ей объясняли его утром две служанки, перешёптываясь у ширмы так, будто она давно перестала быть человеком и стала предметом мебели. После

развода женщина её положения могла получить дом, содержание, охранную грамоту, часть свадебных даров. Всё зависело от доброй воли рода.

Добрая воля Вальдгоров, судя по лицам присутствующих, была тоньше пыли на оконном стекле.

— Леди Василиса, — леди Мирена произнесла её имя с мягкой жалостью, в которой не было ни капли сочувствия, — вы вошли в наш род без собственного наследства, без значимых союзов и без магической силы, способной принести пользу дому. Тем не менее род Вальдгор не бросает тех, кто когда-либо носил его имя.

Рядом с колонной Эвелина опустила взгляд, но Василиса успела заметить, как дрогнули уголки её губ.

— Мы готовы проявить щедрость, — продолжила Мирена. — Вам будет передана недвижимость в столице, зарегистрированная на боковую ветвь рода и свободная от притязаний наследников.

Недвижимость.

Василиса почти усмехнулась.

В этом мире даже издевательства умели одевать в парчу.

Нотариус поднял второй свиток. Тот оказался не белым, как брачные бумаги, а серым, с тёмными пятнами по краям, будто его долго держали возле огня.

— Объект: торговое помещение с жилым вторым этажом, Восточная окраина столицы, улица Старых Фонарей, дом семь. Прежнее название отсутствует. В городском реестре объект числится как закрытый.

В зале кто-то не удержался от смеха.

Василиса услышала имя, прошептанное у неё за спиной:

— Проклятая лавка.

Потом ещё одно:

— Та самая.

И третье, особенно довольное:

— Щедрость, надо же.

Райнер резко повернул голову в сторону совета.

— Этого не было в соглашении.

Его голос не стал громче, но воздух под потолком потемнел. Светильники мигнули. У Василисы по коже прошёл холодок, странно не похожий на страх. Так, значит, не всё здесь было его решением.

Леди Мирена даже не моргнула.

— Соглашение меняется, когда совет видит необходимость защитить интересы рода.

— Лавка закрыта по предписанию магического надзора.

— Временно. И только потому, что не нашлось подходящего владельца.

— Вы прекрасно знаете, что...

— Лорд Райнер, — перебила его Мирена, и в её голосе впервые скользнул металл, — совет уже принял решение.

Василиса смотрела на них обоих и пыталась собрать из обрывков разговоров хоть что-то цельное.

Проклятая лавка. Закрыта. Неподходящие владельцы. Райнер не знал или делал вид, что не знал. Совет решил за него. Или вместе с ним, а теперь он просто недоволен выбранным способом.

В любом случае ловушка была видна даже слепому.

Ей не давали дом. Ей давали место, от которого хотели избавиться. Не компенсацию, а повод исчезнуть самой, чтобы потом развести руками: бедняжка не справилась, но род ведь проявил щедрость.

Нотариус кашлянул.

— Леди Василиса Арден, принимаете ли вы предложенное обеспечение?

Вот оно.

Минута, ради которой их сюда собрали.

Она должна была растеряться. Спросить, что за лавка. Потребовать другого. Заплакать. Обратиться к Райнеру. Дать совету возможность назвать её неблагодарной, глупой, истеричной, неспособной понять честь великого рода.

Василиса медленно оглядела зал.

Лица. Веера. Камзолы. Перстни. Ожидание.

Эвелина подняла глаза и наконец улыбнулась — чуть-чуть, почти незаметно.

Райнер смотрел на Василису так, будто хотел что-то сказать, но знал, что каждое слово станет поводом для новой цепи. Его пальцы сжались на спинке кресла слишком сильно. На чёрном дереве под его рукой проступили тонкие серебристые трещины.

Поздно, лорд дракон.

Если хотел защитить — надо было начинать до того, как назвал развод несовместимостью.

— Принимаю, — сказала Василиса.

Шёпот оборвался.

Леди Мирена чуть приподняла бровь.

— Вы уверены, дитя моё? Улица Старых Фонарей не место для женщины, привыкшей к содержанию большого дома.

Слово «содержанию» она произнесла мягко, но ударила им точно.

Василиса улыбнулась.

Не широко. Не зло. Спокойно.

— Я быстро отвыкаю от того, что мне не принадлежит.

Где-то у стены кто-то втянул воздух сквозь зубы.

Райнер застыл.

Нотариус посмотрел на Василису внимательнее, будто только сейчас увидел не пустую оболочку отвергнутой жены, а человека.

— В таком случае ключи и право владения будут переданы немедленно, — сказал он. — После снятия брачной печати.

Вот это слово ударило сильнее.

Брачная печать.

Василиса опустила взгляд на правую руку. На безымянном пальце тускло блестело кольцо Вальдгоров — тяжёлое, холодное, с камнем цвета грозовой тучи. Оно не нравилось ей с первого дня. Слишком плотное, слишком властное, будто не украшение, а маленький ошейник из серебра и родовой памяти.

Нотариус поднял чашу с грозовой водой.

— Лорд Райнер, леди Василиса, подойдите к печати.

Райнер шагнул первым. Он двигался бесшумно для такого высокого мужчины, и от этого казался ещё опаснее. Василиса подошла следом, чувствуя на себе десятки взглядов.

Круг под ногами вспыхнул синим.

Магия в этом мире до сих пор пугала её своей вещественностью. Она не была светом ради красоты, не была сказочной пылью. Она давила на кожу, входила в дыхание, отзывалась в костях, как далёкий колокол. Сейчас эта магия поднималась из печати тонкими нитями и тянулась к их рукам.

К её кольцу.

К его перстню.

— Соедините ладони, — велел нотариус.

Василиса подняла руку.

Райнер взял её пальцы осторожнее, чем имел право после всего, что здесь произошло.

И от этого стало хуже.

Потому что тело помнило то, чего разум уже не хотел принимать. Помнило его присутствие за обеденным столом, молчаливую силу рядом, редкие взгляды, от которых прежняя Василиса, наверное, ждала тепла. Помнило, как чужая надежда годами умирала маленькими порциями, пока не стала привычкой.

Новая Василиса не собиралась доедать остатки этой надежды.

— Последний вопрос перед разрывом, — произнёс нотариус. — Есть ли у сторон невыполненные личные обещания, способные удержать клятву?

В зале стало тихо.

Слишком тихо.

Даже гроза за окнами будто отошла на шаг.

Василиса почувствовала, как пальцы Райнера едва заметно напряглись вокруг её руки.

Личные обещания?

В памяти всплыла фраза, не её и всё же теперь застрявшая под кожей: «Однажды я дам тебе дом, где ты не будешь чувствовать себя чужой». Голос Райнера был моложе, мягче, почти невозможный рядом с нынешним. Обещание, которое прежняя Василиса, должно быть, хранила как драгоценность. Обещание, которое так и осталось словами.

Райнер тоже помнил. Она поняла это по тому, как изменился его взгляд.

Не проси меня молчать, подумала Василиса.

Не смей.

— Нет, — сказал он.

Печать под ногами вспыхнула ярче.

Василиса выдохнула почти беззвучно.

Вот и всё.

Не совет. Не соперница. Не давление рода. Он сам сейчас выбрал удобную ложь, потому что правда могла помешать аккуратному разрыву.

Нотариус повернулся к ней.

— Леди Василиса?

Она посмотрела Райнеру прямо в глаза.

Там всё-таки была трещина. Мелькнула и исчезла. Но Василисе уже не нужно было цепляться за трещины в чужом холоде, чтобы согреться.

— Нет, — сказала она. — Обещаний, которые стоило бы удерживать, не осталось.

Магия ударила вверх.

Не больно — резко, как порыв ледяного ветра. Кольцо на пальце стало тяжёлым, потом горячим, потом вдруг совершенно пустым. Камень в нём погас. На руке Райнера вспыхнул такой же отсвет, и между ними оборвалась тонкая синяя нить.

Василиса успела заметить, что он не сразу отпустил её пальцы.

Она отняла руку первой.

Нотариус коснулся свитка обсидиановым пером. Чернила сами побежали по строкам, складываясь в новый текст.

— Брачный союз между Райнером Вальдгором и Василисой Арден расторгнут. Родовое имя Вальдгор снимается с леди Василисы по праву разрыва. Послебрачное обеспечение передаётся в форме собственности на объект, указанный советом. Свидетели?

Один за другим члены совета прикоснулись к краю свитка. Под их пальцами вспыхивали маленькие знаки.

Леди Мирена поставила свою печать последней.

— Поздравляю, леди Арден, — сказала она. — Вы свободны.

Слово прозвучало как изгнание.

Василиса услышала за ним другое: одна, без защиты, без денег, без связей, в чужом мире, с проклятой лавкой вместо будущего.

Нотариус вынул из узкой шкатулки ключ.

Он был длинный, старинный, сделанный из тёмного металла, который не отражал свет. Головка ключа имела форму маленькой двери, переплетённой ветвями и драконьими крыльями. Когда нотариус положил его на раскрытую ладонь Василисы, металл оказался неожиданно тёплым.

Словно живым.

— Берегите его, — сказал старик тише, чем требовалось для церемонии.

Василиса вскинула на него глаза.

В его лице впервые дрогнуло нечто похожее на предупреждение. Не злорадное, не холодное. Почти человеческое.

— Ключи от подобных мест не любят равнодушных рук, — добавил он уже громче. — Право владения вступает в силу немедленно.

— Какая трогательная сцена, — произнесла Эвелина.

Она вышла из тени колонны плавно, будто до этого была частью мрамора. Жемчужное платье переливалось при каждом шаге, волосы лежали идеальными волнами, а глаза смотрели на Василису с мягкой жалостью победительницы.

Райнер резко повернулся к ней.

— Леди Эвелина, ваше присутствие здесь не даёт вам права вмешиваться.

— Разумеется, — она склонила голову. — Я лишь хотела пожелать леди Арден удачи. Восточная окраина — место живописное, если не выходить после заката.

Несколько человек засмеялись.

Василиса посмотрела на неё спокойно.

Было бы легче возненавидеть Эвелину целиком, без остатка. Красивую, уверенную, чужую женщину, из-за которой, как шептались слуги, всё и случилось. Но сейчас Василиса уже не была уверена, что Эвелина причина. Скорее блестящая вывеска на чужом замысле. Удобное лицо для чужого предательства.

И всё же удовольствие от её слов было настоящим.

— Благодарю, — сказала Василиса. — Я постараюсь не разочаровать тех, кто так надеялся на мою неудачу.

Эвелина моргнула.

Очень быстро.

Прекрасно.

Значит, попала.

Леди Мирена постучала пальцами по подлокотнику.

— На этом заседание завершено. Леди Арден, слуги передадут вам личные вещи после описи. До заката вы должны покинуть западное крыло замка.

До заката.

Василиса почти рассмеялась.

Ей давали несколько часов, чтобы перестать быть частью дома, где она и так никогда не была своей.

Она могла бы поклониться. Могла бы сказать что-то вежливое. Могла бы сыграть по их правилам до последней секунды, чтобы не раздражать великий род.

Вместо этого Василиса стянула с пальца кольцо Вальдгоров.

Оно поддалось не сразу, будто не хотело отпускать. На коже осталась бледная полоса. Василиса посмотрела на неё, потом на Райнера.

Он стоял слишком близко и слишком далеко одновременно.

— Вы забыли кое-что, лорд Вальдгор.

Она протянула кольцо.

В зале снова стало тихо.

Райнер не взял его сразу.

— Оставьте, — сказал он низко. — Это часть брачных даров.

— Нет.

Одно слово легло между ними твёрдо, как камень.

Василиса вложила кольцо в его ладонь и закрыла его пальцы поверх холодного металла. На мгновение её перчатка коснулась его кожи. Тепло драконьей крови пробилось сквозь ткань, но она не отёрнула руку.

— Я забираю только то, что смогу назвать своим, — сказала она. — Ваш герб к этому не относится.

Райнер смотрел на неё так, будто впервые не находил верного приказа.

— Василиса...

Имя, произнесённое им, задело сильнее, чем должно было.

Она не позволила этому отразиться на лице.

— Леди Арден, — поправила она.

В его глазах мелькнуло что-то почти болезненное, но Василиса не стала разбирать. Хватит. Сегодня она уже слишком много читала чужие лица, пытаясь понять, есть ли в них хоть капля сожаления.

Она повернулась к залу.

К совету. К Эвелине. К шепчущимся свидетелям. К людям, которые пришли посмотреть на её падение и теперь не знали, почему зрелище оказалось не таким сладким.

Ключ в её ладони потеплел ещё сильнее.

— Благодарю род Вальдгор за щедрость, — произнесла Василиса. — Особенно за ту её часть, которую вы сами боитесь держать в руках.

Леди Мирена побледнела так незаметно, что это мог заметить только тот, кто очень хотел. Василиса хотела.

Потом она развернулась и пошла к выходу.

Никто не остановил её. Только гроза ударила совсем близко, и витражи высоких окон вспыхнули синим огнём. На мгновение по стенам зала метнулись тени драконьих крыльев.

У дверей Василиса услышала голос Райнера:

— Леди Арден.

Она остановилась, но не обернулась.

— Лавка не то, чем кажется.

Вот теперь злость обожгла по-настоящему.

Слишком поздно. Слишком мало. Слишком похоже на очередную попытку оставить за собой право знать больше и решать за неё.

Василиса всё-таки повернула голову.

— В отличие от вашего брака, лорд Вальдгор?

Несколько человек ахнули. Кто-то подавился смехом. Эвелина отвернулась к окну, но Василиса успела увидеть, как напряглась её челюсть.

Райнер не ответил.

И хорошо.

Потому что любой его ответ снова сделал бы эту сцену их общей. А Василисе нужно было уйти одной.

Она вышла из зала под глухой рокот грома.

Коридоры замка Вальдгоров были длинными, холодными и безупречно красивыми. Чёрный камень, серебряные прожилки в стенах, портреты с глазами, которые будто провожали

каждого проходящего. Василиса шла мимо них и впервые не пыталась казаться тише, мягче, незаметнее. Каблуки стучали по полу слишком громко, платье шуршало, ключ лежал в ладони тяжёлым обещанием.

У лестницы её догнала молодая служанка Лисса — рыжеватая, веснушчатая, с испуганными глазами.

— Леди... то есть... простите, леди Арден, вам велено собрать вещи. Я помогу.

Василиса остановилась.

В голосе девушки не было злорадства. Только тревога. Может быть, даже сочувствие.

— Сколько у меня времени на самом деле? — спросила Василиса.

Лисса сглотнула.

— До заката, миледи. Но если вы не успеете, старшая ключница велела вынести сундуки во двор.

Вот как.

Василиса кивнула.

— Тогда не будем давать ей такого удовольствия.

Служанка вдруг опустила глаза, и по её губам пробежала почти улыбка.

В комнате Василисы всё уже изменилось. Хотя мебель стояла на местах, а шторы по-прежнему спадали тяжёлыми складками, пространство перестало притворяться её убежищем. На кровати лежали раскрытые дорожные сундуки. Две горничные складывали платья так аккуратно, будто готовили не отъезд хозяйки, а уборку лишней декорации.

— Оставьте нас, — сказала Василиса.

Одна горничная вскинула взгляд.

— Но старшая ключница приказала...

— Я сказала: оставьте нас.

В её голосе не было грома. Только сталь.

Горничные переглянулись, присели в коротком реверансе и вышли. Лисса осталась у двери, сжимая передник.

Василиса подошла к туалетному столику.

Чужая роскошь смотрела на неё из зеркала усталым лицом. Тёмные волосы убраны слишком строго, глаза казались больше обычного, губы побледнели. Красивая женщина. Нелюбимая жена. Бывшая леди Вальдгор.

И где-то под всем этим — она сама. Та, кто ещё совсем недавно жила в другом мире, платила счета, работала до позднего вечера, покупала чай по скидке и считала, что её жизнь слишком обычная для чудес. Как же смешно. Оказалось, чудо может начаться с чужого брака и публичного развода.

— Миледи, — тихо сказала Лисса, — вы правда поедете туда?

— В лавку?

— На улицу Старых Фонарей.

Служанка произнесла название так, будто боялась потревожить не место, а существо.

Василиса открыла маленькую шкатулку. Там лежали украшения, подаренные Вальдгорами. Она закрыла крышку обратно.

— А у меня есть выбор?

Лисса помолчала.

— Можно попросить защиты у другого дома. Или уехать в провинцию.

— С чьими деньгами?

Девушка покраснела.

Василиса смягчилась.

— Прости. Это не к тебе.

Она прошла к шкафу и выбрала самое простое платье из тех, что здесь были. Тёмно-зелёное, без гербовой вышивки, плотное, удобное настолько, насколько вообще могла быть удобной одежда местных аристократок. Потом сняла с шеи фамильную подвеску и положила рядом с шкатулкой.

— Это останется здесь.

— Но это дорого стоит.

— Именно поэтому останется.

Лисса посмотрела на неё с непониманием.

Василиса усмехнулась.

— Я не хочу, чтобы завтра по всему городу говорили, будто бывшая жена Вальдгора вынесла из замка всё, что смогла унести.

— Они всё равно будут говорить.

— Конечно. Но пусть хотя бы придумывают сами, без моей помощи.

Собраться оказалось легче, чем она думала. Несколько платьев, бельё, дорожный плащ, две книги с основами местных законов, которые Василиса тайком вытащила из библиотеки ещё на прошлой неделе, когда поняла, что вокруг неё сгущается что-то нехорошее. Пара перчаток. Щётка. Небольшой кошель с монетами, которые не были родовыми дарами. Письма прежней Василисы она не взяла. Не смогла. Это была чужая боль, и таскать её с собой из одного дома в другой казалось неправильным.

Зато взяла маленький нож для бумаги с перламутровой рукоятью.

Не оружие. Просто вещь, которая удобно ложилась в руку и напоминала: иногда письма надо вскрывать самой, не дожидаясь чужого позволения.

Когда сундук закрыли, за окном уже темнело.

Лисса проводила её до бокового выхода. У главной лестницы стояла бы публика, а Василиса сегодня устала быть развлечением.

Во дворе ждал закрытый экипаж без герба. Возница не спешил слезать с козел, только лениво скосил взгляд на сундук.

— Улица Старых Фонарей, дом семь, — сказала Василиса.

Возница перекрестил пальцы каким-то местным защитным жестом и тут же сделал вид, что просто поправил поводья.

— Туда нынче никто не ездит, госпожа.

— Значит, дорога свободна.

Лисса тихо всхлипнула за её спиной.

Василиса обернулась.

— Ну что ты?

— Простите, миледи. Вы... вы не были злой. В этом доме это редкость.

Такие слова почему-то едва не сделали то, чего не добились ни совет, ни Райнер, ни Эвелина. Василиса почувствовала, как защипало глаза, и быстро отвела взгляд к грозовому небу.

Нет. Не сейчас.

— Если когда-нибудь решишь сменить место, — сказала она, — приходи на улицу Старых Фонарей.

Лисса побледнела.

— В лавку?

— В мою лавку.

Сказать это оказалось неожиданно приятно.

Мою.

Не подаренную милостью. Не одолженную мужем. Не выделенную советом из жалости. Мою — потому что я приняла ловушку и намерена сделать из неё дверь.

Экипаж тронулся.

Замок Вальдгорв остался позади огромной чёрной громадой на холме. В окнах зажигались огни, один за другим, будто дом спокойно возвращался к вечернему порядку после вынесенного мусора. Василиса смотрела на него через мутное стекло, пока дорога не свернула вниз, в сторону столицы.

Город встретил её дождём.

Не сильным, но холодным и упрямым. Капли стекали по стеклу экипажа, фонари расплывались жёлтыми пятнами, мостовые блестели, как рыба чешуя. Столица называлась Арквейн, но Василиса пока знала её кусками: парадные улицы, по которым её возили в храм и на приёмы; рынок, увиденный издалека; мост через тёмную реку; башни магических гильдий, похожие на свечи, застывшие в момент плавления.

Чем дальше экипаж ехал от центральных кварталов, тем ниже становились дома и уже улицы. Гербовые вывески сменились деревянными, золото — потемневшей медью, широкие окна — ставнями, на которых дождь выбивал дробь. Люди под навесами провожали экипаж любопытными взглядами. Наверное, бывшая жена дракона, едущая к проклятой лавке в первый вечер после развода, была подарком для городских сплетен.

Возница остановился раньше, чем нужно.

— Дальше пешком, госпожа.

Василиса отёрнула занавеску.

— Почему?

— Лошадь не пойдёт.

Она посмотрела на серую в яблоках кобылу. Та действительно стояла, упрямо упершись копытами в мостовую, и косила глазом в сторону узкой улицы впереди. Там фонари горели странно: не ровно, а синими дрожащими огоньками, словно пламя вспоминало, как быть огнём.

— Сколько до дома семь?

— Три поворота. Может, четыре.

— Может?

Возница почесал затылок.

— Улица иногда дурит.

Василиса медленно выдохнула.

Прекрасно. Ей досталась не просто проклятая лавка, а лавка на улице, которая, возможно, меняет длину по настроению.

— Сундук снимите.

— Госпожа...

— Я заплатила за дорогу до улицы Старых Фонарей. Раз вы не довезли до двери, хотя бы снимите сундук.

Возница хотел возразить, но посмотрел на её лицо и передумал.

Через минуту Василиса стояла под дождём рядом с сундуком, дорожным плащом и ключом, который опять стал тёплым в ладони. Экипаж уехал слишком быстро для человека, который только что уверял, что лошадь не идёт.

Улица Старых Фонарей начиналась между пекарней с заколоченными окнами и домом, где на балконе висели пустые клетки для певчих птиц. Фонари действительно были старыми: кованые, кривоватые, с потемневшими стёклами. На каждом стекле виднелся знак — маленький ключ с крылышками.

Василиса потянула сундук за ручку.

Колёса стукнули по камням.

— Ну что, — сказала она тихо, сама не зная кому, — посмотрим, кто из нас проклятее.

Первый поворот оказался пустым. Второй пах мокрым деревом и свежим хлебом, хотя пекарни рядом не было. После третьего дорога упёрлась в тупик.

Василиса остановилась.

Перед ней стояла стена. Обычная каменная стена, увитая плющом. Никакого дома семь, никакой лавки.

Сундук казался тяжелее с каждой минутой. Платье намокло у подола, волосы выбились из причёски и липли к вискам. В груди поднималась усталость — не слабая, а злая, почти смешная. За один день её развели, унизили, выселили, сослали в городскую страшилку, а теперь даже улица решила поучаствовать.

Василиса посмотрела на ключ.

Тот лежал на ладони спокойно, как ни в чём не бывало.

— Значит, так, — сказала она. — Я сегодня уже пережила совет драконов. Если ты думаешь, что меня остановит тупик, у тебя завышенное мнение о себе.

Фонарь над стеной мигнул.

Василиса подняла ключ и шагнула ближе. На камнях под плющом обнаружилась тонкая щель. Потом ещё одна. Плющ дрогнул, словно его тронул ветер, хотя воздух был неподвижен.

Ключ потянул её руку вправо.

— Ладно, — прошептала Василиса. — Веди.

Она провела ключом по стене.

Камень отозвался глухим вздохом.

Тупик раздвинулся не сразу. Сначала из стены выступила дверная рама, затем проступили ступени, мокрые и неровные, а за ними — узкий фасад двухэтажного дома, зажатого между зданиями так плотно, будто его когда-то пытались спрятать и забыли закончить.

Лавка была печальна.

Или хотела такой казаться.

Вывеска висела на одной цепи, буквы на ней давно потемнели, но Василиса различила следы старого названия, стёртого почти до основания. Витрина была мутной от пыли и дождя. За стеклом виднелись полки, пустые на первый взгляд, и прилавок, накрытый серой тканью. Дверь оказалась высокой, узкой, с резным узором из ключей, листьев и маленьких раскрытых глаз.

Дом семь.

Проклятая лавка.

Её новое владение.

Василиса стояла перед дверью и вдруг поняла, что боится.

Не зала суда. Не насмешек. Не Райнера и не его холодных глаз. А вот этой двери, за которой могло быть всё что угодно: ловушка совета, старая магия, голодные стены, чужая смерть, новая жизнь. Может быть, всё сразу.

Она сжала ключ крепче.

— Меня зовут Василиса Арден, — сказала она в дождь. — Меня сегодня пытались выбросить из чужой жизни. Поэтому, если ты собираешься меня сожрать, учти: я буду очень невкусной.

Дверь тихо щёлкнула.

Сама.

Василиса вставила ключ в замок. Металл вошёл легко, будто возвращался домой. Она повернула его, и внутри лавки что-то откликнулось: не звук, скорее движение воздуха, тёплое, осторожное, почти радостное.

Дверь открылась.

Пахнуло пылью, старым деревом, дождём и чем-то сладковато-тёплым, похожим на воспоминание о доме, которого у неё здесь никогда не было.

Василиса переступила порог.

Пол под ногами скрипнул. В глубине лавки вспыхнул один маленький огонёк, потом второй, третий. Свет пробежал по полкам, коснулся мутной витрины, скользнул по прилавку. Серая ткань на нём дрогнула и медленно сползла вниз, открывая тёмное дерево, испещрённое тонкими золотыми линиями.

На стене за прилавком проступили буквы.

Не старые. Новые.

Они собирались медленно, будто невидимая рука писала по дереву светом.

Василиса сделала шаг ближе.

Сначала появилось одно слово.

Потом второе.

Потом третье.

«Хозяйка вернулась».

Она перестала дышать.

Где-то за спиной дверь закрылась сама. Не громко, не угрожающе. Скорее бережно, как закрывают дверь перед долгим разговором.

А затем лавка заговорила.

Не голосом человека. Не словами в воздухе. Шёпотом половиц, звоном стекла, шелестом невидимых страниц, тихим вздохом старого дерева.

— Василиса.

Она резко обернулась.

Никого.

Только дождь стучал по витрине, фонари снаружи горели синим, а на прилавке, там, где секунду назад лежала лишь пыль, появился маленький медный колокольчик.

Он качнулся сам по себе.

И прозвенел так ясно, будто объявлял не приход новой владелицы, а начало долга, о котором она ещё ничего не знала.

Глава 2. Лавка, которая выбирает хозяйку

Колокольчик прозвенел один раз, но звук не исчез.

Он покатился по лавке, тонкий и чистый, задел мутную витрину, пробежал по пустым полкам, отозвался где-то наверху осторожным скрипом и вернулся к Василисе уже не звоном, а вопросом.

Ты пришла?

Она стояла у порога, всё ещё сжимая в одной руке ключ, в другой — мокрый дорожный плащ, и пыталась решить, что разумнее: немедленно выйти обратно под дождь или сделать вид, будто лавка, написавшая на стене «Хозяйка вернулась» и назвавшая её по имени, — обычная недвижимость с лёгкой склонностью к театральности.

Дверь за спиной была закрыта.

Не заперта, кажется. Просто закрыта. Но от этого становилось не спокойнее. Василиса медленно повернулась к ней, протянула руку и коснулась бронзовой ручки. Та оказалась тёплой, как ладонь живого существа.

— Если это намёк, что выйти я уже не могу, — сказала она вслух, — предупреждаю: я очень плохо реагирую на запертые двери.

Замок щёлкнул.

Дверь приоткрылась на ладонь, впуская внутрь холодный дождевой воздух и синеватый свет старого фонаря.

Василиса посмотрела на щель, потом на прилавок.

— Ладно. Это было почти вежливо.

Дверь снова прикрылась, но теперь уже мягко, без прежнего окончательного звука. Будто лавка услышала, поняла и решила не ссориться в первый вечер.

Василиса устало провела рукой по лицу. День был слишком длинным для человека, которого с утра развели при свидетелях, к вечеру выгнали из замка, а ночью приняла к себе постройка с загадочным характером. Ей хотелось сесть на сундук и молча смотреть в одну точку, пока мир сам не признает, что переборщил.

Но пол под ногами вдруг скрипнул.

Один раз.

Потом второй.

Василиса замерла.

Скрип повторился — не где-то в глубине, а прямо рядом с её сапогом. Доска под ногой едва заметно прогнулась, будто запоминала вес, форму шага, осторожность, с которой новая владелица переступила порог.

Она сделала шаг в сторону.

Та же доска тихо скрипнула уже другим звуком. Ниже. Теплее.

— Ты что, изучаешь меня?

В ответ вдоль пола пробежала золотая нить. Тонкая, как волос, она вспыхнула между щелями досок и погасла у основания прилавка.

Василиса вспомнила брачную печать в зале суда, ледяную магию разрыва, чужие взгляды, кольцо, оставшееся в ладони Райнера. Там магия давила и требовала. Здесь она прислушивалась.

От этого было не легче.

— Сразу договоримся, — сказала Василиса, снимая мокрые перчатки. — Я не знаю, как управлять проклятыми лавками, не умею читать стены, не разбираюсь в говорящих колокольчиках и понятия не имею, почему ты решила, что я вернулась. Но если ты не собираешься меня уничтожить, мы можем попробовать сотрудничать.

Колокольчик на прилавке едва заметно качнулся.

Звон не прозвучал, зато пыль на ближайшей полке дрогнула и собралась в аккуратную серую линию, открывая под собой дерево тёплого медового цвета. Полка оказалась не пустой. На ней лежал маленький ключ без бородки, треснувшая сургучная печать, перо с обломанным концом и серебряная пуговица.

Василиса подошла ближе.

Каждая вещь будто ждала, когда её заметят. Не блестела, не светилась, не пыталась напугать. Просто лежала с таким видом, словно за ней стояла чья-то история, слишком долго оставшаяся без ответа.

— Прекрасно, — пробормотала Василиса. — У меня нет денег, нет защиты, нет понимания местных законов, зато теперь есть полка чужих драм.

Слова прозвучали почти бодро.

Почти.

Потом усталость всё-таки догнала её. Не резким обвалом, а тяжёлой волной. Василиса сняла дорожный плащ, повесила его на крючок у двери и огляделась внимательнее.

Лавка была больше, чем казалась с улицы. Узкий фасад обманывал. Внутри помещение тянулось в глубину, раскрываясь неожиданными углами, нишами и полутёмными проходами. Слева стояли высокие полки с резными боковинами, справа — витрина, настолько грязная, что сквозь неё едва угадывались силуэты фонарей. На потолке висела люстра без свечей. У дальней стены темнела лестница на второй этаж, а под ней — закрытая дверь с маленькой табличкой: «Не обещать вслух».

Василиса прочитала надпись дважды.

— Это совет или угроза?

Табличка не ответила.

Зато где-то наверху глухо стукнуло, будто кто-то переставил стул.

Василиса посмотрела на лестницу. Затем на маленький нож для бумаги, лежавший в сумке. Затем снова на лестницу.

— Нет, — сказала она себе. — Сначала правила.

Она поставила сумку на прилавок, вытащила книги с основами законов, кошель, перчатки, свёрток с бельём, щётку и аккуратно положила рядом ключ. Сундук так и остался у входа, потому что тащить его наверх по тёмной лестнице сейчас мог только человек, которому очень хотелось проверить пределы собственной глупости.

Василиса таких желаний не испытывала.

Она нашла за прилавком огарок свечи, но стоило ей взять его в руки, как люстра под потолком вспыхнула сама. Не ярко, не торжественно. Сперва один огонёк, потом второй, третий. Свет оказался тёплым и золотистым, он не прогонял тени полностью, а просто договаривался с ними держаться по углам.

— Спасибо, — сказала Василиса после короткой паузы.

Люстра качнулась, будто приняла благодарность.

И вот это почему-то стало последней каплей.

Василиса медленно опустилась на стул за прилавком. Стул был старый, с потёртой спинкой, но подстроился под неё так удобно, что она почти сразу поняла: это тоже не случайность. Лавка давала ей место. Не роскошное, не безопасное, не понятное. Но место.

Своё.

У неё перехватило горло.

Она не заплакала в зале суда. Не заплакала перед Райнером. Не заплакала, когда снимала кольцо, когда Лисса провожала её к экипажу, когда улица вывела её к тупику. Но здесь, в пыльной проклятой лавке, где на стене до сих пор сияли слова «Хозяйка вернулась», Василиса

закрыла глаза и позволила себе несколько тихих, злых, коротких вздохов, похожих не на слёзы, а на попытку не дать сердцу расколоться от перегруза.

— Всё, — сказала она через минуту. — Хватит.

Лавка молчала.

Мудро.

— Завтра мы выясним, кто ты такая, почему все тебя боятся и сколько я должна заплатить городскому надзору, чтобы меня не выкинули отсюда по закону. А сегодня мне нужна вода, тряпка, место для сна и желательно отсутствие новых чудес хотя бы до утра.

Из-за прилавка выкатилось жестяное ведро.

Василиса посмотрела на него.

Потом на пустое пространство, откуда оно появилось.

— Я сказала «желательно», — напонила она. — Но ведро принимается.

К утру она успела узнать о лавке три вещи.

Первая: лавка действительно была живой, но не болтливой. Она отвечала движением, светом, скрипом, изменением пространства, иногда появлением предметов, но не объясняла ничего прямо. Если Василиса спрашивала, где найти щётку, открывалась ниша с щёткой. Если спрашивала, почему прежние владельцы исчезали, свет становился тусклее, а половицы скрипели так печально, что хотелось не допрашивать их, а укрыть пледом.

Вторая: второй этаж был жилым. Маленькая комната с узкой кроватью, кухонька с медным чайником, умывальник, шкаф и окно, выходящее почему-то не на улицу Старых Фонарей, а на внутренний дворик с яблоней. Снаружи никакого дворика Василиса не видела. Она проверила дважды.

Третья: лавка терпеть не могла пыль.

Когда Василиса нашла старую тряпку и провела ею по полке, дом словно выдохнул. Огоньки в люстре стали ярче, витрина звякнула, а где-то над дверью тихо зашуршала вывеска. Стоило же ей устало опустить руки, как ведро само подкатывалось к её ногам с выразительным стуком.

— Не дави на совесть, — сказала Василиса, стоя посреди лавки в закатанных рукавах и чужом дорогом платье, подол которого уже был безнадежно испорчен. — Я официально бездомная разведённая женщина с одним сундуком и сомнительным объектом недвижимости. У меня есть право на паузу.

Ведро стукнуло ещё раз.

— Да поняла я.

К полудню лавка изменилась.

Не стала красивой — до этого было далеко. Но из-под слоя серой заброшенности проступили очертания места, которое когда-то знало тепло и порядок. Дерево полок оказалось не тёмным, а медовым. Стекло витрины после третьего протирания начало отражать улицу, правда, отражало её не совсем правильно. Вместо заколоченной пекарни напротив Василиса увидела в стекле лавку с открытой дверью, очередь из людей и себя за прилавком — не в мокром платье, а в простом синем, с заколотыми волосами и уверенным лицом.

Она отступила.

Отражение тоже отступило, но на долю мгновения позже.

— Не делай так.

Витрина помутнела, будто смутилась.

Василиса упёрла руки в бока.

— Я серьёзно. Никаких самовольных предсказаний, видений, намёков на неизбежность и прочих драматических эффектов без предупреждения. Я только развелась с драконом. Мне достаточно неизбежности на месяц вперёд.

Витрина тихо звякнула.

На этот раз почти виновато.

К часу дня Василиса решила, что либо она сама начнёт управлять происходящим, либо лавка будет воспитывать её до ночи. А потому она вышла на улицу, подняла лицо к хмурому небу и посмотрела на вывеску.

Та по-прежнему висела на одной цепи. Старые буквы едва читались. Василиса различила только два фрагмента: «...тва» и «...юч». Может быть, когда-то лавка уже называлась похоже. Может быть, сама подталкивала её к нужному слову.

На соседнем крыльце стояла полная женщина в коричневом переднике и делала вид, что вытряхивает скатерть. На самом деле она смотрела на Василису так пристально, что скатерть давно перестала быть главным предметом в её руках.

— Добрый день, — сказала Василиса.

Женщина вздрогнула.

— И вам не хворать, госпожа.

Она тут же испуганно прижала губы, будто сказала лишнее.

Василиса сделала вид, что не заметила.

— Не подскажите, где поблизости можно заказать новую вывеску?

— Вам? — женщина моргнула. — То есть... для этого места?

— Для него. Или для меня. Мы пока разбираемся, кто из нас кому больше достался.

Соседка посмотрела на дверь лавки, потом на Василису. В её глазах страх боролся с любопытством, и любопытство явно было крепким бойцом.

— У Орна спросите. Кузнец он, через два дома за поворотом. Только он может не взяться.

— Почему?

— Люди не любят прибавать своё железо к тому, что потом может вспомнить их имя.

Василиса помолчала.

— Понимаю. А вас как зовут?

Женщина шагнула назад так резко, будто имя было кошельком, который у неё попытались выхватить.

— Мара, — сказала она после паузы. — Пекарня моя была. Раньше.

Пекарня с заколоченными окнами.

Василиса посмотрела на дом напротив. Из щелей между досками действительно тянуло слабым запахом старой муки, дождя и остывшей печи.

— Была?

Лицо Мары закрылось.

— Всякое бывает.

Это «всякое» прозвучало так, что Василиса не стала расспрашивать. В этом городе, похоже, обещания лежали под ногами, как битое стекло: куда ни наступи, обязательно порежешься о чужую историю.

— Спасибо за совет, Мара.

— Вы правда останетесь? — выпалила женщина.

Василиса посмотрела на свою лавку. Та выглядела кривоватой, упрямой и совершенно невозможной. Витрина чуть блеснула изнутри, будто подслушивала.

— Пока она меня не выгнала, — сказала Василиса. — А я её.

Мара вдруг фыркнула. Тихо, коротко, будто не смех, а его первый росток.

— Тогда идите к Орну. Только не говорите ему, что я послала. Он терпеть не может, когда я оказываюсь права раньше него.

Кузница нашлась там, где и обещали: за поворотом, в низком каменном доме с широкими воротами и крышей, почерневшей от лет. Внутри было жарко, пахло углём, мокрым металлом и работой. Василиса остановилась у порога, не зная, как правильно обращаться к мастерам в этом мире, и решила начать просто.

— Мастер Орн?

У наковальни стоял мужчина лет сорока с мощными плечами, коротко стриженными тёмными волосами и лицом, на котором недоверие, кажется, поселилось давно и платило исправную аренду. Он поднял взгляд.

— Смотря кто спрашивает.

— Василиса Арден. Новая владелица дома семь.

Молот в его руке замер.

В кузнице стало слышно, как где-то в углу потрескивает уголь.

— Не шутите так, госпожа.

— Я сегодня ещё не начинала.

Орн медленно положил молот.

— Значит, правда. Вальдгоры всё-таки спихнули лавку.

Слово «спихнули» понравилось Василисе гораздо больше, чем «передали в обеспечение». Оно было честнее.

— Передали, — сказала она. — В торжественной обстановке, с печатями и зрителями.

— Тогда соболезнаю.

— Спасибо. Но я пришла не за этим. Мне нужна вывеска.

Орн посмотрел на неё так, будто она попросила выковать цепь для молнии.

— Для лавки?

— Удивительно, да?

— Госпожа, я не работаю с этим домом.

— Почему?

Он усмехнулся, но веселья в этом не было.

— Потому что мой отец работал. Починил ей петли лет двадцать назад. Через неделю все двери в нашем доме начали открываться только перед теми, кто говорил правду. Мать три дня не могла попасть в кладовую, потому что обещала соседке вернуть форму для пирога и забыла.

Василиса невольно представила эту бытовую катастрофу и почти улыбнулась.

— Звучит неудобно, но не смертельно.

— Для вас всё звучит несмертельно, пока вы первый день внутри. Потом она начнёт требовать плату.

— Какую?

Орн нахмурился.

— Разную. У кого имя заберёт на ночь, у кого сон, у кого дорогу домой перепутает. Одного хозяина заставила семь лет отвечать на каждый вопрос честно.

Василиса вспомнила табличку под лестницей: «Не обещать вслух».

— За что?

— За то, что он торговал чужими клятвами и думал, будто дом не понимает разницы между помощью и наживой.

Это было уже полезно.

Василиса прислонилась плечом к дверному косяку.

— Значит, лавка не просто вредничает. Она наказывает за нарушение правил.

— Если вы сумеете эти правила узнать раньше, чем ошибётесь, вам повезёт.

— А если нет?

Орн посмотрел на неё внимательно. Недоверие в его лице никуда не делось, но к нему добавилось что-то ещё. Возможно, уважение к человеку, который спрашивает не «как избежать», а «что будет, если не успею».

— Тогда улица Старых Фонарей станет длиннее на одну печальную историю.

Василиса приняла это молча.

Ей хотелось сказать, что печальных историй с неё хватит. Но это было бы неправдой. Хватило бы — она не стояла бы здесь, обсуждая вывеску для проклятой лавки.

— Я не прошу вас входить внутрь, — сказала она. — Сделайте вывеску здесь. Я сама повешу.

— Вы?

— А что? В вашем мире разведённым женщинам запрещено держать молоток?

Орн хмыкнул.

— Не запрещено. Просто обычно им запрещают хотеть.

Василиса посмотрела на него уже без иронии.

— Мне больше некому запрещать.

Мастер отвёл взгляд первым.

Потом взял кусок мела и плоскую дощечку.

— Что писать?

Василиса думала об этом всю дорогу. Слова складывались сами, словно ждали, когда она перестанет бояться их произнести.

— «Клятва и ключ».

Орн замер.

— Вы уверены?

— Нет. Но название уже пришло. А в последнее время всё, что приходит само, оказывается важным.

— Плохая примета.

— Возможно. Но у меня сегодня день плохих примет, и пока ни одна не справилась окончательно.

Орн фыркнул почти так же, как Мара.

— Приходите к вечеру.

— Сколько я буду должна?

Он назвал сумму. Василиса мысленно пересчитала монеты в кошельке и поняла, что после вывески ей останется совсем мало. Очень мало. Почти оскорбительно мало.

— Подойдёт, — сказала она.

Орн, кажется, заметил её паузу, но не стал ни жалеть, ни снижать цену. И за это Василиса была ему благодарна. Жалость сегодня уже пыталась отравить слишком многое.

Когда она вернулась, лавка встретила её распахнутой дверью.

Василиса остановилась на пороге.

— Я закрывала.

Дверь качнулась.

Внутри на полу стоял её сундук, перенесённый от входа к лестнице. На прилавке лежала аккуратно сложенная тряпка. Рядом — ведро. Чистое. Пустое. Выразительное.

— Ты невозможна.

Люстра мигнула.

— Нет, это не похвала.

Пол под ногами скрипнул так, что она почти услышала довольство.

Василиса вздохнула, закатала рукава и принялась за работу.

К вечеру она знала каждый угол первого зала. У дальней стены нашлись три выдвижных ящика. В первом лежали пустые карточки из плотной бумаги, на которых проступали слова, стоило поднести их к предмету. Во втором — моток золотистой нити, завязанный на девять узелков. Третий не открылся. На нём было выжжено: «После первой оплаты».

Василиса решила не спорить с мебелью, которая умела ставить условия.

Витрина после долгой чистки начала показывать прохожих, но не такими, какими они были снаружи. Мальчишка, пробежавший под дождём, отразился с красной ниткой на

запястье. Старик с корзиной — с маленьким замком на груди. Мара, вышедшая на крыльцо, чтобы снова сделать вид, будто не следит, — с потухшей печью за спиной и связкой ключей, которых у неё в руках не было.

Василиса стояла перед стеклом и хмурилась.

— Ты показываешь не лица.

Стекло едва заметно дрогнуло.

— Обещания? Долги? Потери?

В глубине витрины появилась её собственная фигура.

На отражении Василиса была бледной, усталой, с выбившимися волосами и пятном пыли на щеке. Но за её спиной тянулась тонкая синяя нить, оборванная на конце. Там, где нить должна была вести к Райнеру, висела пустота.

Василиса отвернулась.

— Это мы уже видели.

Колокольчик на прилавке звякнул.

Она подошла.

На полке, которая утром открылась первой, теперь лежал новый предмет: маленький обрывок плотной бумаги, разорванный неровно, будто его вырвали из чьих-то рук. На нём проступали буквы, но не сразу. Сначала пятнами, затем строками.

«Срок службы — семь лет».

«Плата — кров и пища».

«Уход до истечения срока — долг семьи переходит младшим».

Василиса прочитала и почувствовала, как злость возвращается. Не яркая, как утром в суде, а ровная и рабочая.

— Что это?

Колокольчик качнулся в сторону двери.

Снаружи кто-то стоял.

Василиса увидела силуэт через витрину: маленький, сторбленный, мокрый. Ребёнок или очень юная девушка. Фонарь позади неё горел синим и никак не мог осветить лицо.

Сердце у Василисы забило чаще.

Она подошла к двери и открыла.

На пороге стояла девочка лет четырнадцати, может, пятнадцати. В тёмном платье служанки, слишком большом в плечах и коротком в руках. Рыжеватые волосы намокли и прилипли к вискам, на щеке была сажа, а в руках она сжимала второй обрывок того же документа.

Девочка подняла глаза.

— Вы новая хозяйка?

Голос дрожал, но не от холода. От решимости, которую приходилось держать обеими руками, чтобы не выронить.

Василиса не сразу ответила.

Слишком быстро. Слишком странно. Слишком похоже на то, как лавка сама положила на прилавок первую задачу.

— Видимо, да, — сказала она. — А ты кто?

— Ника.

Имя прозвучало коротко, как стук в закрытую дверь.

— Входи, Ника. Ты вся промокла.

Девочка шагнула назад.

— Я не могу войти, если вы потом потребуете плату.

Василиса оглянулась на лавку.

— Она у нас, кажется, любит плату. Но я пока нет.

Ника не улыбнулась.

— Все любят плату.

Василиса почувствовала, как что-то неприятно кольнуло под рёбрами. В таком возрасте люди не должны говорить подобные вещи так спокойно.

— Тогда войди как гостя, — сказала она. — Без долга. Без обещания. Без платы. Просто чтобы обсохнуть и рассказать, что случилось.

Пол у порога тихо скрипнул.

На внутренней стороне двери проступила тонкая золотая черта, затем исчезла.

Ника смотрела на порог так, будто он мог сомкнуться на её ногах. Потом всё-таки вошла.

Лавка отреагировала мгновенно.

Огоньки в люстре потеплели, витрина потемнела, отрезая улицу, а на прилавке рядом с первым обрывком бумаги появился маленький железный напёрсток. Старый, помятый, с вмятиной сбоку.

Ника побледнела.

— Откуда это у вас?

— Я надеялась, что ты мне объяснишь.

— Это мамин. Был.

Она сказала «был» так, что Василиса не стала уточнять.

Вместо этого она принесла со второго этажа сухое полотенце, усадила Нику на стул у прилавка и поставила перед ней кружку горячей воды с мятой, найденной в кухонном шкафчике. Мята, в отличие от двора с яблоней, хотя бы выглядела объяснимо.

Девочка сначала не притронулась к кружке.

— Это просто вода, — сказала Василиса. — Можно не пить. Можно просто держать руки над теплом.

Ника осторожно обхватила кружку ладонями.

— Мне сказали, вы теперь владеете этой лавкой.

— Сегодня много кому было приятно это сказать.

— И что она разбирает клятвы.

Василиса посмотрела на прилавок, на обрывки, на напёрсток.

— Я бы не сказала, что уже умею разбирать. Скорее мы обе пытаемся понять, чем занимаемся.

— Обе?

Витрина звякнула.

Ника вздрогнула.

— Не бойся, — сказала Василиса, хотя сама не была уверена, что это честный совет. — Пока лавка больше ворчит, чем кусается.

— Про неё говорят другое.

— Про меня сегодня тоже говорят много интересного.

Девочка подняла глаза. В них впервые мелькнуло нечто живое.

— Вы правда бывшая жена лорда Вальдгора?

— Правда.

— И он отдал вам это место?

— Род Вальдгор отдал мне это место, надеясь, что оно меня раздавит.

Ника смотрела на неё так открыто, что Василиса пожалела о резкости.

— Но пока мы с лавкой обсуждаем, кто кого будет воспитывать, — добавила она мягче. — Расскажи про документ.

Девочка развернула свой обрывок.

Бумага дрожала в её руках. Василиса положила рядом кусок, который появился на полке. Края совпали сами, с тихим шорохом. Разорванный документ сросся золотой линией, но не полностью: место разрыва осталось заметным, как шрам.

Буквы потемнели.

Ника втянула воздух.

— Я не хотела подписывать. Госпожа сказала, что это обычная служба, как у всех. Семь лет, кров, еда, платье два раза в год. А потом я услышала, как управляющий говорил, что если я уйду, долг перейдёт на брата. Ему девять. Он ещё маленький.

Василиса молчала.

Она читала строки медленно, заставляя себя не торопиться с выводами. В этом мире слова имели силу. Клятвы — тем более. Ошибка могла стоить Нике больше, чем надежда.

— Кто твоя госпожа?

Ника опустила глаза.

— Леди Селена Морвейн. У неё дом у Серебряного моста.

Имя ничего не говорило Василисе. Это раздражало. Она ненавидела свою местную неграмотность: каждый титул, каждый дом, каждая печать могли иметь значение, а она знала только обрывки, украденные из разговоров и книг.

— Сколько тебе лет?

— Пятнадцать.

— Родители?

— Мамы нет. Отец ушёл в порт два года назад и не вернулся. Брат у соседки.

Слишком много одиночества для одного ребёнка.

Василиса посмотрела на документ. Потом открыла одну из книг, принесённых из замка, и начала искать раздел о служебных клятвах. Буквы в местном языке всё ещё иногда путались, но тело Василисы помнило грамоту, а её собственное упрямство помогало соединять смысл.

Ника сидела тихо.

Лавка тоже.

Так тихо, что слышно было, как дождь стекает по вывеске снаружи.

— Здесь есть странность, — сказала Василиса наконец. — В начале указано, что ты поступаешь на службу добровольно. А ниже — что долг семьи переходит младшим при уходе. Но если долга не было до подписания, почему он должен переходить?

Ника нахмурилась.

— Управляющий сказал, это за одежду, место и обучение.

— Обучение чему?

— Шитью. Уборке. Молчанию.

Последнее слово Василисе не понравилось совсем.

На прилавке сам собой развернулся напёрсток. Под ним обнаружилась крошечная золотая точка, похожая на искру.

— Ника, — осторожно сказала Василиса, — ты уже дала клятву вслух?

Девочка побледнела.

— Я сказала, что буду служить честно.

— А точные слова помнишь?

Ника жала кружку сильнее.

— «Клянусь служить дому Морвейн семь лет и не уходить без расчёта».

При этих словах пол под стулом скрипнул резко, почти сердито. На документе вспыхнула строчка, которую раньше Василиса не видела.

«Расчёт определяется держателем печати».

Вот где ловушка.

Не долг. Не служба. Расчёт. Если держатель печати сам решает, когда всё оплачено, девочка может не уйти никогда, а потом ещё и брат окажется связанным.

Василиса медленно выдохнула.

— Печать у кого?

— У управляющего. Госпожа сказала, что ей некогда заниматься мелочами.

Лавка звякнула витриной. На одной из полок появился маленький латунный ножичек для вскрытия писем, почти такой же, как тот, что Василиса забрала из замка, только старше.

Василиса не взяла его сразу.

— Ты предлагаешь разрезать клятву?

В ответ золотая нить во втором ящике сама дёрнулась, и один из девяти узелков едва заметно затянулся.

— Конечно, — пробормотала Василиса. — Почему бы не начать владение лавкой с нарушения чужого договора. Очень разумно.

Ника вскочила.

— Я не хотела неприятностей! Простите, я уйду.

— Сядь.

Девочка замерла.

Василиса смягчила голос:

— Я не на тебя злюсь. И не выгоняю. Просто думаю.

Ника медленно опустила обратно.

Василиса взяла документ и поднесла к свету. Бумага была плотной, дорогой, с водяным знаком дома Морвейн. Подпись девочки стояла криво. Печать — круглая, с изображением моста и трёх звёзд. Клятва держалась не на доброй воле, а на страхе, бедности и ловкой формулировке.

Она слишком хорошо знала эту конструкцию.

В другом мире такие вещи называли иначе, но смысл был тот же: человеку дают бумагу, в которой каждое слово выглядит законным, пока не поймёшь, что выхода там нет.

— Я не могу просто сказать, что документ недействителен, — произнесла Василиса. — У меня нет власти судьи.

Ника сжалась.

— Но лавка показывает правду. Значит, надо найти не слабое место в тебе, а слабое место в их клятве.

Она снова перечитала строки.

«Служить дому Морвейн».

«Не уходить без расчёта».

«Долг семьи переходит младшим».

«Расчёт определяется держателем печати».

Василиса постучала пальцем по первой строке.

— Дом Морвейн — это кто? Леди? Особняк? Род? Управляющий?

Ника растерянно моргнула.

— Не знаю.

— Вот и я не знаю. А клятвы не любят, когда люди сами не знают, кому отдают жизнь.

При слове «жизнь» люстра вспыхнула ярче.

Василиса взяла одну пустую карточку из ящика и положила на документ. На бумаге медленно проступили слова: «Предмет клятвы определён неверно».

Она почувствовала, как внутри всё собралось в точку.

— Ника, когда ты клялась служить дому Морвейн, ты думала о ком?

— О госпоже.

— Не об управляющем?

— Нет.

— Не об особняке?

— Нет.

— Не о всём роде?

— Я их даже не видела.

— Значит, держатель печати не тот, кому ты давала слово.

Документ дрогнул.

Золотая линия на месте разрыва вспыхнула, но тут же потемнела. Где-то в стене послышался недовольный треск, будто чужая сила не хотела отпускать добычу.

Ника смотрела на Василису с надеждой, от которой становилось страшно. Потому что надежда — тоже ответственность.

— Что нужно сделать? — прошептала девочка.

Василиса посмотрела на латунный ножичек, потом на напёрсток.

— Не разрезать. Перешить.

Она сама не знала, откуда взялось это слово. Но стоило произнести его, как напёрсток подпрыгнул и покатился к Нике.

Девочка взяла его дрожащими пальцами.

— Это мамин.

— Тогда, возможно, он помнит, как чинить то, что порвали без спроса.

Василиса вытащила из ящика золотую нить. Один из узелков развязался сам, оставив свободный конец. Лавка словно задержала дыхание. Витрина потемнела окончательно, отсекая улицу, половицы под ногами застыли, люстра стала ровной и тихой.

— Я не обещаю, что получится, — сказала Василиса. — И не буду брать с тебя плату, пока не пойму, какую цену требует лавка.

Ника вдруг упрямо вскинула подбородок.

— Я могу заплатить.

— Чем?

— У меня есть пуговицы. И три медяка. И я умею чистить печи.

— Печи пока подождут. Мне нужна правда. Ты пришла сама?

— Да.

— Тебя кто-то послал?

— Нет.

— Ты хочешь разорвать службу дому Морвейн?

Ника открыла рот — и замолчала.

Василиса поняла прежде, чем девочка сказала.

— Ты боишься не уйти. Ты боишься, что за тобой придут.

Ника кивнула.

— Если клятва просто исчезнет, они скажут, что я сбежала.

— Тогда нам нужен не разрыв. Нам нужен расчёт.

Золотая нить в руках Василисы потеплела.

Она положила её на документ, между строкой о службе и строкой о долге семьи. Нить сама изогнулась петлёй. Напёрсток на пальце Ники вспыхнул маленькой искрой.

— Повторяй за мной только если согласна с каждым словом, — сказала Василиса. — Не потому, что я сказала. Не потому, что страшно. А потому, что это твой выбор.

Ника побледнела ещё сильнее, но кивнула.

— Я, Ника, — начала Василиса медленно, — признаю честную службу, которую уже отдала дому Морвейн.

Девочка повторила. Голос дрожал, но слова прозвучали ясно.

Нить легла на первую строку.

— Я не признаю долг, который не брала.

Ника повторила твёрже.

Документ хрустнул.

— Я не передаю свой страх младшему брату.

На этих словах воздух в лавке дрогнул так, будто кто-то резко распахнул невидимое окно. Ника запнулась, закрыла глаза и всё-таки сказала:

— Я не передаю свой страх младшему брату.

Напёрсток вспыхнул ярко.

Василиса почувствовала, как золотая нить сама просит последнее слово. Не знанием — ощущением. Словно лавка подсказывала не ответ, а направление.

— Я прошу расчёта по правде, — сказала Василиса, — а не по чужой выгоде.

Ника повторила.

Документ выгнулся дугой.

Печать дома Морвейн почернела, затем раскололась тонкой линией. Не разрушилась, нет. Просто перестала быть цельной. Внутри неё обнаружилась пустота — маленький изъян, спрятанный под красивым гербом.

На карточке проступили новые слова:

«Клятва принята с нарушением понимания предмета. Расчёт возможен».

Василиса едва не рассмеялась от облегчения.

— Возможен, — повторила она. — Не завершён, конечно. Было бы слишком просто.

Лавка звякнула колокольчиком.

На прилавке появилась крошечная деревянная шкатулка. Крышка открылась сама. Внутри лежала одна медная монета, старая, потемневшая, с дырочкой посередине.

Ника тихо ахнула.

— Это мамина. Она пришивала её к подолу, чтобы деньги в доме водились. Я думала, монета потерялась.

Василиса посмотрела на шкатулку, потом на документ.

— Плата не мне, — поняла она. — Плата клятве. За расчёт.

Ника дрожащими пальцами взяла монету.

— Но это последнее, что у меня от неё осталось.

И вот здесь Василиса остановилась.

Легко было говорить о свободе, когда цена лежала не в твоей ладони. Легко было возмущаться чужими договорами и резать чужие цепи, пока не видишь, что иногда цепь держит не только страх, но и память. Если она сейчас потребует монету, чем будет отличаться от тех, кто всегда знает, что для другого «лучше»?

— Ты не обязана, — сказала Василиса. — Выбор должен быть настоящим. Можно оставить всё как есть и подумать. Можно найти другой путь. Можно прийти завтра.

Ника смотрела на монету долго.

Потом поднесла её к губам, не целуя, а словно прощаясь с теплом, которого давно не было, и положила на документ.

— Мама бы сказала, что память не должна держать за горло.

Золотая нить вспыхнула.

Монета провалилась в бумагу, как в воду. Строка о долге семьи почернела и рассыпалась пеплом, не оставив ни запаха, ни следа. Строка о семи годах службы сжалась, переписалась и стала короткой:

«Служба завершена расчётом по правде».

Ника закрыла лицо руками.

Василиса не тронула её сразу. Просто стояла рядом, пока девочка дышала неровно, пытаясь поверить, что невидимая петля вокруг горла исчезла.

Потом Ника опустила руки.

— Они придут?

— Возможно.

— Вы боитесь?

Василиса посмотрела на новую вывеску, которую Орн принёс как раз перед сумерками и прислонил у двери, не заходя внутрь. На тёмном дереве ровно и строго сияли выкованные буквы: «Клятва и ключ». Лавка уже успела принять название — над прилавком старые буквы исчезли, уступив место тем же словам, только золотым.

— Да, — сказала Василиса. — Но я уже заметила: страх не всегда хороший советчик. Иногда он просто слишком громкий сосед.

Ника вдруг улыбнулась.

Совсем чуть-чуть.

И в этой улыбке было столько усталой, осторожной надежды, что Василиса поняла: первый день лавки начался не с уборки, не с вывески и не с магических полок. Он начался сейчас.

С права человека уйти из места, где его держали хитрым словом.

Колокольчик прозвенел.

На этот раз звук был глубоким и тёплым. Документ на прилавке свернулся в тонкую ленту, перевязанный золотой нитью, и исчез в одном из ящиков. Тот самый третий ящик, который утром отказывался открываться, выдвинулся сам.

Внутри лежала чистая книга в кожаном переплёте.

На первой странице проступила запись:

«Ника. Клятва службы. Расчёт по правде принят».

Ниже появилось место для подписи.

Василиса взяла перо, но остановилась.

— Подписывать должна ты.

Ника растерянно посмотрела на неё.

— Я?

— Это твоя свобода. Не моя победа.

Девочка взяла перо обеими руками и вывела своё имя. Криво, старательно, с огромной буквой «Н», похожей на открытую дверь.

Книга закрылась сама.

За входной дверью что-то щёлкнуло.

Василиса обернулась.

На внутренней стороне двери, прямо под засовом, проявились золотые буквы. Они загорались одна за другой, чётко, без спешки, словно лавка наконец решила объяснить правила игры хотя бы настолько, чтобы новая хозяйка не чувствовала себя полной дурой.

«Первая клятва оплачена. Осталось девять».

Ника прочитала и побледнела.

— Девять чего?

Василиса не ответила.

Потому что снаружи, за мутным стеклом витрины, остановилась карета с гербом моста и трёх звёзд.

А дверной колокольчик качнулся сам по себе, будто уже знал: за первой спасённой клятвой всегда приходит тот, кто считал её своей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.